

УДК 902(571.151)

ББК 63.48(2Рос-4Алт-6Г)-413

**Снаряжение верхового коня кочевников Алтая
сяньбийско-жужанского времени
из могильника Степушка-I**

С.С. Матренин¹, А.А. Тишкин²

¹Барнаульский юридический институт МВД России (Барнаул, Россия);

²Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**Equipment of the Saddle Horse of the Nomads in Altai in the
Xianbei-Zhuzhan Time from the Burial Mound Stepushka-I**

S.S. Matrenin¹, A.A. Tishkin²

¹Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia (Barnaul, Russia);

²Altai State University (Barnaul, Russia)

Статья вводит в научный оборот результаты сравнительного изучения конского снаряжения, обнаруженного при раскопках курганной группы Степушка-I в Онгудайском районе Республики Алтай. Комплексный анализ удила, псалий, украшений узды, подпружных пряжек и других обнаруженных элементов позволил определить относительную хронологию экипировки верховых лошадей кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени (II–V вв. н.э.). Наиболее «узкие» даты демонстрируют удила с крюковым соединением и малокрючными окончаниями звеньев (тип 3), роговая подпружная пряжка с подвижным язычком на вертлюге, костяные цурки с несомкнутым верхним краем. Данные изделия происходят из кургана № 19 и определяют его археологический возраст в рамках 2-й половины IV — 1-й половины V в. н.э. Хронологическая атрибуция других предметов требует уточнений с учетом взаимной встречаемости их с другими вещами в закрытых комплексах Алтая. Настоящая публикация расширяет источниковую базу для изучения белобомского и верхуймонского этапов булан-кобинской культуры.

Ключевые слова: Алтай, булан-кобинская культура, удила, псалии, пряжки, снаряжение, хронология, классификация, типология, сяньби, жужани.

DOI 10.14258/izvasu(2015)4.2-20

Введение

Предметы снаряжения верхового коня являются одним из важнейших источников для разработки относительной хронологии археологических памятников Алтая поздней древности и средневековья. На се-

The article introduces into the scientific circulation the results of a comparative study of saddle horse equipment from the burial mound Stepushka-I located on the territory of the Ongudai area of the Altai Republic. The comprehensive analysis of detected elements (bit, cheekpieces, and ornaments of bridles, girth buckles and other) allowed us to determine the relative chronology of ammunition of saddle horses of the Xianbei-Zhuzhan Time nomads in Altai (II – V centuries AD). The most reliable dating of bits shows the hook junction and small parts of the hook flexion (Type 3), saddle-girth buckle with a mobile uvula, horn pegs with a defective upper edge. The objects are taken from burial mound N 19 and can date it to the 2nd half of the IV — 1st half of the V centuries AD. Chronological attribution of other items is to be revised taking into account their mutual occurrence with other artifacts in gated complexes of Altai. This publication significantly expands the source base to research the Belyj-Bom and the Verhny Uimon Periods of the Bulan-Koby culture of the Altai region.

Key words: Altai, Bulan-Koby culture, bit, cheekpieces, ammunition, chronology, classification, typology, Xianbei, Zhuzhan.

годняшний день они составляют обширные коллекции из погребальных комплексов бийкенской, пазырыкской, булан-кобинской, тюркской и других культур. Исследованию этих материалов посвящен большой корпус научной литературы, в котором количествен-

но преобладают работы по скифо-сакскому времени и периоду раннего средневековья.

Первый опыт рассмотрения конской экипировки из памятников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского периода (II в. до н.э. — V в. н.э.) представлен в монографии А.А. Гавриловой «Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен» [1]. Через два с половиной десятилетия к данному вопросу обратился барнаульский исследователь Ю.Т. Мамадаков. В своей кандидатской диссертации он классифицировал новые находки удила и псалиев из могильников Булан-Кобы-IV и Белый Бом-II [2]. Попытка сравнительного классификационного и типологического изучения указанной категории изделий из разных погребальных комплексов региона отражена в книге «Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катунь» [3], а также в специальной статье В.И. Соенова [4]. Наиболее поздние исследования конского снаряжения булан-кобинской культуры затрагивают вопросы хронологической атрибуции элементов уздечных и седельных комплексов из могильников Яломан-II и Степушка-I [5–8].

На сегодняшний день показательные комплекты экипировки верховых лошадей у кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени (II–V вв. н.э.) обнаружены в результате раскопок курганной группы Степушка-I. Этот памятник находился в окрестностях одноименного (ныне нежилого) поселения в Онгудайском районе Республики Алтай, на третьей надпойменной террасе правого берега р. Урсул [9–10]. Предметы конского снаряжения найдены в четырех мужских (курганы № 5, 7, 17, 19) и одном детском (курган № 21) погребениях. Большинство полученных артефактов происходят из непогребленных захоронений с разнообразным сопроводительным инвентарем, что делает их весьма информативным источником для хронологической интерпретации объектов белобомского (II — 1-я половина IV в.) и верх-уймонского (2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.) этапов булан-кобинской культуры. Настоящая работа продолжает цикл аналитических статей, посвященных изучению памятника Степушка-I [8, 11–20].

Удила, псалии, уздечная гарнитура

Удила и псалии найдены в курганах № 5, 7, 17, 19 и 21. Полученная серия была подвергнута типологическому анализу. В исследовательской практике закрепились два подхода к классификации удила и псалиев. Согласно первому, они систематизируются вместе в качестве одного комплекта, эволюционирующего как единое целое [1, с. 80–84; 21, с. 11; 22, с. 119–122]. В соответствии с другим подходом указанные изделия классифицируются по отдельности, а вопросы взаимовстречаемости выделенных типов исследуются дополнительно [3; 23, с. 22–29; 24, с. 90; 25, с. 141]. Нами был выбран вариант раздельного таксономического исследования. Содержание обозначенных уровней классификационного описания удила

выглядит следующим образом: группа характеризует материал изготовления; разряд — технологию производства; раздел — наличие или отсутствие псалиев; отдел — способ соединения звеньев; тип — оформление внешних окончаний грызл; вариант — наличие или отсутствие дополнительных петель для ремней.

Группа I. Железные.

Разряд I. Кованые.

Раздел I. Удила с псалиями.

Отдел I. Соединеннокрюковые.

Тип 1. С петельчатыми окончаниями звеньев.

Вариант а — с дополнительными петлями овальной и восьмерковидной формы. Грызла имеют разную длину: 11,6 и 12,1 см. Размеры петель колеблются в пределах 4–4,8 x 2–2,3 см. Всего — 2 экз., из курганов № 19 и 21 (рис. 1.-7, 9). *Вариант б* — без петель. Длина грызл 9,5 и 11 см. Всего — 1 экз., из кургана № 5 (рис. 1.-2).

Раздел II. Удила без псалиев.

Отдел I. Соединеннокрюковые.

Тип 2. С петельчатыми окончаниями звеньев.

Вариант а — с дополнительными петлями овальной формы. Длина грызл — 9,4 и 9,8 см. Размеры петли — 4,2 x 1,8 см. Всего — 1 экз., из кургана № 17 (рис. 1.-5).

Тип 3. С малокрючными окончаниями звеньев.

Вариант а — без петель. Длина сохранившегося грызла — 9 см. Всего — 1 экз., из кургана № 7 (рис. 1.-4).

Классификация псалиев построена на сочетании следующих параметров: группа отражает материал изготовления; разряд — технологию производства; раздел — деление псалиев на вертикальные и кольцевые; отдел — количество отверстий или колец; тип демонстрирует абрис псалиев, а вариант — дополнительные элементы оформления концов и отверстий, наличие или отсутствие обойм.

Группа I. Роговые.

Разряд I. Резные. *Подразряд а* — гладкие.

Раздел I. Вертикальные.

Отдел I. Двудырчатые.

Тип 1. Стержневидные, прямые с асимметричными концами: один — прямой, другой — приотстренный (*вариант а*). Всего — 2 экз., из кургана № 5 (рис. 1.-1, 3). Полностью сохранившийся псалий имеет длину 11,6 см.

Тип 2. Стержневидные слабоизогнутые с симметрично скругленными концами (*вариант а*). Всего — 3 экз., из курганов № 19 и 21 (2 экз.) (рис. 1.-6, 8, 10). Единственный (относительно хорошо сохранившийся) образец имеет длину 14 см.

Удила и псалии являются самыми многочисленными категориями экипировки верховых лошадей, фиксируемыми при раскопках погребальных комплексов булан-кобинской культуры. Они происходят почти исключительно из объектов, содержащих сопроводительное захоронение лошади.

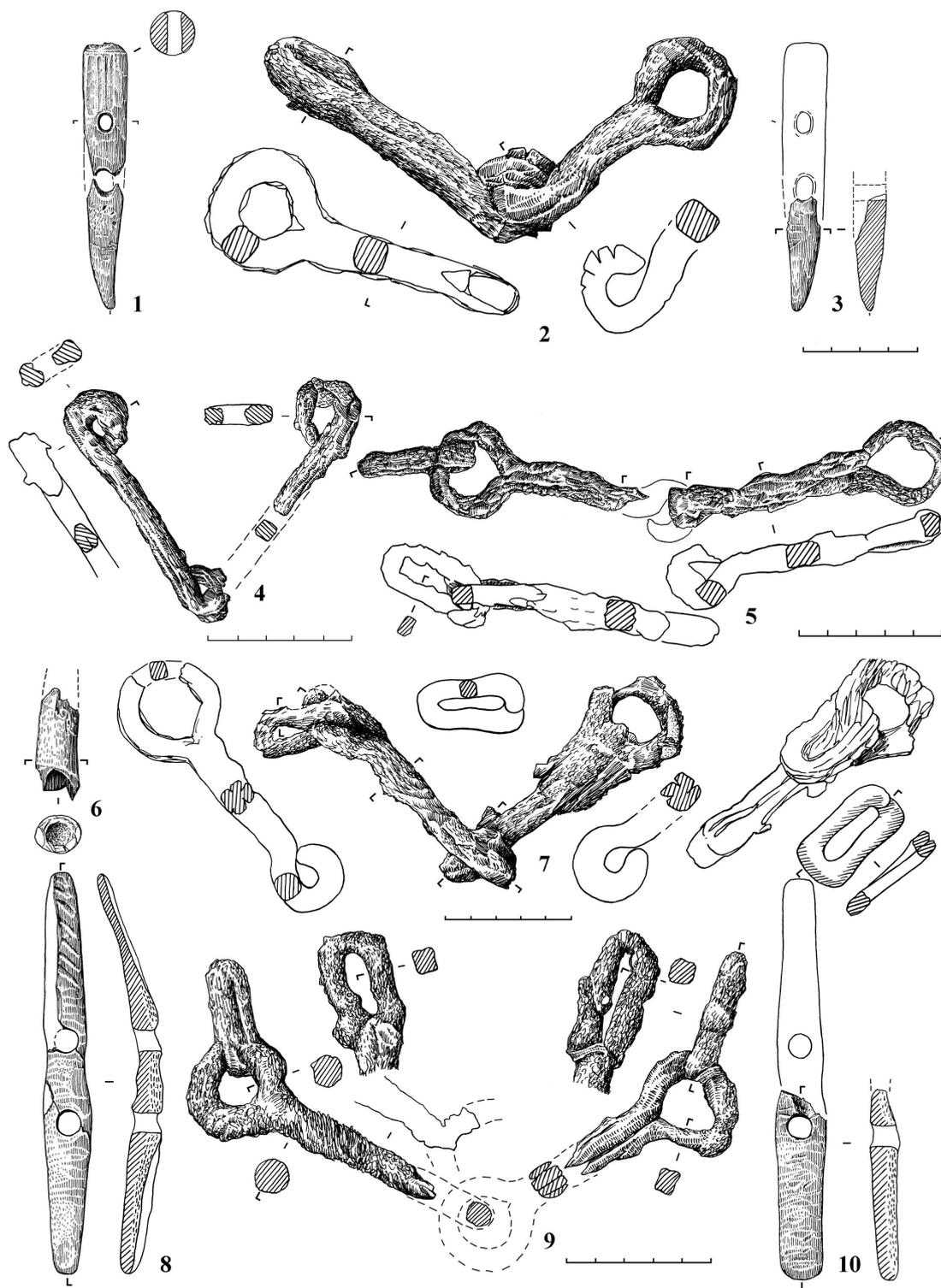

Рис. 1. Снаряжение верхового коня из памятника Степушка-I. Удила и псалии: 1-3 — курган № 5; 4 — курган № 7; 5 — курган № 17; 6-7 — курган № 19; 8-10 — курган № 21. 1, 3, 6, 8, 10 — рог/кость; 2, 4, 5, 7, 9 — железо

Перед тем как приступить к типологическому изучению представленной коллекции, необходимо заметить, что эволюция удил и псалиев в хунуско-

сяньбийско-жужанское («гунно-сарматское») время в разных регионах Евразии имела свою специфику. При этом похожие изделия из памятников разных

археологических культур могут обнаруживать значительную хронологическую дистанцию. Последнее обстоятельство в какой-то мере обесмысливает поиск аналогий удилам и псалям в широком географическом диапазоне с целью выявления общих закономерностей их развития.

Все найденные в курганной группе Степушка-I железные удила (группа I) сделаны в техникековки (разряд I) гладкого металлического дрота, подквадратного или округлого в сечении, с псалями (раздел I) и без них (раздел II). Длина звеньев варьирует в пределах 9–11,6 см при выраженной асимметричности в комплектах. В Центральной Азии удила с крюковым соединением и петельчатыми окончаниями звеньев (типы 1 и 2) появились в позднехуннское время (I в. н.э.), но широко распространились с раннесяньбийского (II — начало III в. н.э.) периода [26, рис. 107.-3, 110.-6, 8–9, 111.-3, 5; 113.-3]. В дальнейшем они использовались многими народами восточной части степной Евразии вплоть до монгольского времени. В Восточной Европе петельчатые удила с крюковым соединением грызл известны уже в скифское время и массово представлены в снаряжении «гунно-сарматского» периода. С опорой на центрально-азиатские аналогии начальный этап использования удил типов 1 и 2 кочевниками Алтая определяется нами пока условно в рамках I–II вв. н.э. Удила данной модификации встречаются в объектах финальной стадии существования булан-кобинской общности. Наличие широких петельчатых окончаний делало их удобными для комбинации с разными типами псалий. Однако у населения булан-кобинской культуры они сочетались только с вертикальными роговыми псалями. Удила типов 1 и 2, относящиеся к IV–V вв. н.э., имеют добавочные петли восьмерковидной формы.

Соединеннокрюковые удила с малокрючными окончаниями звеньев (тип 3) в эволюционном отношении являются более поздними. В Центральной Азии удила с малокрючными окончаниями — очень редкая находка в памятниках конца I тыс. до н.э. — 1-й половины I тыс. н.э. Так, хуннским временем условно датируются фрагменты таких удил из плиточной могилы Ихерик [28, рис. 102.-4]. Модели удил с малокрючными окончаниями происходят из таштыкских склепов Минусинской котловины 2-й половины IV — VI в. н.э. [29, табл. 137; 30, рис. 18.-2]. Ближайшие аналогии удилам типа 3 найдены в Алтайской лесостепи в позднефоминских (конец III — 1-я половина IV в. н.э.) и одинцовских (2-я половина IV — V в. н.э.) памятниках [31, табл. XXXVI.-1; 32, рис. 1.-6]. На основе доступных археологических источников, прежде всего с территории Верхнего Приобья, начальный период бытования удил типа 3 в булан-кобинской культуре можно предварительно определить в рамках 2-й половины III — начала IV в. н.э. Применение их племенами Алтая напрямую связано с распространением кольчатых псалий небольшого диаметра. Важно

заметить, что у «булан-кобинцев» генезис удил типа 3 не был подготовлен практикой производства экземпляров с большекрючными окончаниями. В связи с этим нельзя полностью исключать, что распространение данной модификации отражает «юго-западное» (среднеазиатское?) влияние на культуру Западной Сибири и Алтая. Удила типа 3 найдены в булан-кобинских комплексах 2-й половины IV — 1-й половины V в. н.э. некрополей Верх-Уймон, Усть-Бийке-III, Кок-Паш [33, рис. 13.-22; 34, рис. 21.-9–10]. Аналогичные изделия, снабженные кольчатыми псалями, зафиксированы в могильниках Верх-Уймон, Улита, Степушка-II, Яломан-II, Дялян, Булан-Кобы-IV, Белый Бом-II. Среди них на сегодняшний день опубликованы только некоторые экземпляры из Верх-Уймона [4]. Можно предположить, что малокрючные формы удил стали исходным прототипом петельчатых удил с короткими грызлами, появившихся у тюрок Алтая во 2-й половине V — 1-й половине VI в. н.э. [35, с. 16–17].

Большинство удил из курганной группы Степушка-I оснащены роговыми псалями (группа I) вертикальной системы крепления (раздел I) с двумя отверстиями (отдел I) для соединения с ремнями повода и суголовья. Они являются одной из ведущих модификаций, начиная со скифского времени. Обнаруженные псалии с прямыми асимметричными (тип 1) и слабоизогнутыми симметричными (тип 2) концами не показательны для археологического датирования. Подобные экземпляры существовали длительное время без видимых изменений. Различия оформления данных предметов в значительной степени обусловлены особенностями исходных заготовок и технологическими приемами их производства, схожими у многих народов конца I тыс. до н.э. — 1-й половины I тыс. н.э. Статистика распределения типов роговых псалий по хронологическим горизонтам булан-кобинской культуры не отражает наблюдений, которые можно было бы принять в качестве стабильных ситуаций, демонстрирующих различия археологического возраста таких изделий.

Стоит допустить, что населением, оставившим курганную группу Степушка-I, могли также применяться деревянные псалии. Данным обстоятельством, по-видимому, объясняется нахождение в могилах одних только металлических удил.

Уздечные бляхи-накладки найдены в количестве 5 экз. в кургане № 17. Все они сделаны из прямой железной пластины прямоугольной или подквадратной формы размерами 1,4 x 1,5 см или 2 x 1,1 см, фиксировавшейся к ремням с помощью одного вставного металлического шпенька (рис. 2.-2–6). Размещение изделий *in situ* на черепе лошади дает основания предполагать их использование для украшения нащечных и подбородочных ремней суголовья. Судя по всему, это первый хорошо документированный случай применения таких железных блях в составе булан-кобинской узды. Единичные аналогии данным экзем-

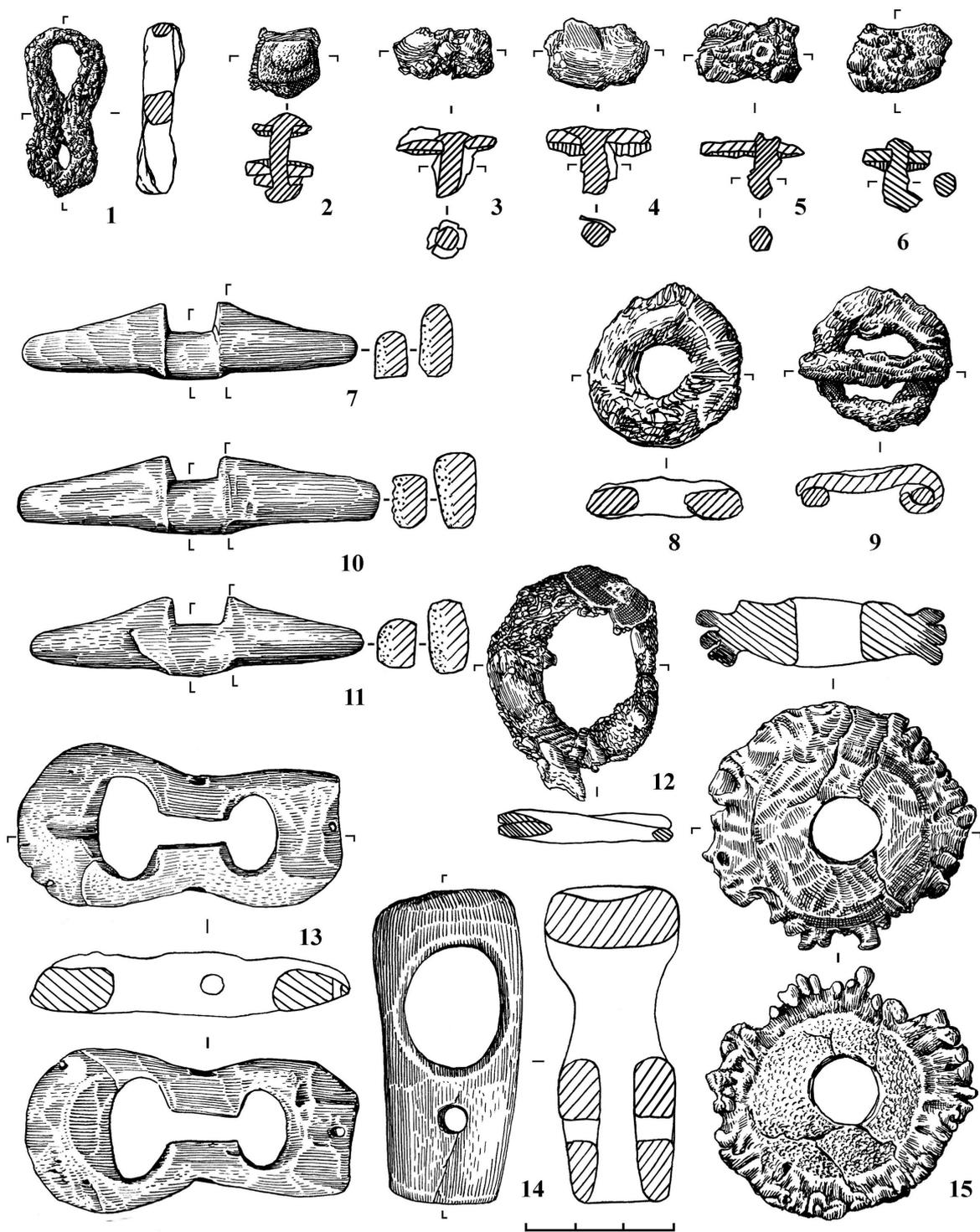

Рис. 2. Предметы снаряжения верхнего коня из памятника Степушка-I: 1-6 — курган № 17; 7, 10-11, 13-15 — курган № 19; 8 — курган № 5; 9 — курган № 7; 12 — курган № 14. 1-6, 8-9, 12 — железо; 7, 10-11, 13-15 — рог/кость

плярам из черного и цветного металла происходят из погребальных комплексов 2-й половины IV — 1-й половины V в. н.э. Дялян и Берель [36, рис. 23.-10; 37, рис. 73].

Застежка ремня представляет собой восьмерковидную петлю размерами 3,5 x 1,4-1,7 см (рис. 2.-1). Она применялась для фиксации (стягивания?) подбороточного ремня узды. В конструкции узды бу-

лан-кобинской культуры данный предмет зафиксирован впервые.

Седельная гарнитура и другие предметы конского снаряжения

Железные подпружные пряжки из курганов № 5, 7 и 14 имели подвижный язычок (у двух изделий он не сохранился), закрепленный на основании рамки округлой (диаметр 3–3,4 см) или овальной формы (размеры — 4,3 x 3,6 см) (рис. 2.-5, 9, 12). Для застегивания седельных ремней они использовались редко. Подобные бесщитковые пряжки были широко распространены в поясных гарнитурах населения булан-кобинской культуры в 1-й половине I тыс. н.э. [15, 20].

Большого внимания заслуживает роговая пряжка с подвижным язычком (утрачен) на вставной металлической вертлюге из кургана № 19 (рис. 2.-13). Она показательна для комплексов раннежужанского времени. Щиток пряжки отделен от рамки плавным изгибом боковых сторон корпуса и снабжен прорезью, соединенной с отверстием, которое предназначено для свободного конца ремня (так называемая однотавровая прорезь). Остальные признаки изделия такие: форма рамки — округлая; дужка — ровная, с желобком для язычка; щиток — трапециевидный, укороченных пропорций с прямым окончанием. Общая длина пряжки — 6,7 см: рамка — 3,5 x 3,4 см, щиток — 3,2 x 2,9 см. Толщина корпуса — 0,9–1,2 см.

Наиболее ранние известные нам роговые (косяные) пряжки с подвижным язычком на вставной металлической вертлюге происходят с территории Бурятии из памятников II–I вв. до н.э., а также близких и более поздних по времени комплексов Восточного Забайкалья (степной Даурии), связываемых с археологической культурой хунну [38, с. 77–78, 124, табл. XI.-16; XXIV.-7; 39, табл. 185.-20; 40, табл. 58.-13; 41, с. 255]. Широкое применение таких пряжек в указанном регионе, а также в соседних районах Маньчжурии и Внутренней Монголии связано с объединением сяньби, создавшем кочевую империю на рубеже I–II вв. н.э. [41, рис. 7; 42, с. 89, рис. 5; 38, табл. XVI.-23; 43, с. 35]. Однако имеющиеся археологические источники пока не дают однозначного ответа на то, какая именно культурная среда (хуннская или сяньбийская) сыграла определяющую роль в изобретении роговых пряжек представленной конструкции. В связи с этим не следует забывать об активном взаимодействии племен Забайкалья в конце I тыс. до н.э. — начале I тыс. н.э. Например, не лишена смысла точка зрения, что сами хунну могли заимствовать такие роговые пряжки у сяньби, будучи в постоянных контактах с ними [41, с. 255]. От сяньби или от других центральноазиатских nomadов единичные экземпляры роговых пряжек с подвижным язычком на вертлюге попадали в Южную и Западную Сибирь, на Дальний Восток, в Среднюю Азию, Западное Приуралье и на более отдаленные европей-

ские территории. Они найдены в курганном могильнике саргатской культуры в Приишимье Абатское-3 (в погребении II — начала III в. н.э.), в Восточном Приаралье в слоях городищ и в погребениях, датирующихся не позднее III–IV вв. н.э., в мохэских памятниках IV–V вв. н.э. Среднего Амура, в Урало-Казахстанских степях в комплексе Канатгас конца IV — 1-й половины V в. н.э. [44, рис. 42.-3; 45, рис. 96.-7–9; 46, табл. XLVI.-6–7; LIV.-1; 47, рис. 31.- 1]. Еще более удаленные на запад одиночные находки интересных нас пряжек обнаружены в азелинских древностях Прикамья IV в. н.э. и в погребении конца IV — 1-й половины V в. н.э. в Крыму [48, табл. XXIII.-14; 49, рис. 3.-8]. Роговые пряжки со слабо выделенным щитком от рамки появились уже в хунно-сяньбийское время (II в. до н.э. — начало III в. н.э.) в Восточном Забайкалье и Северо-Восточном Китае [41, рис. 7]. На Алтае роговые пряжки с подвижным язычком впервые встречены в погребениях IV в. н.э. [6, рис. 2.-10, 11]. Своим происхождением они восходят к сяньбийской культурной традиции. Наиболее многочисленно такие пряжки представлены у позднебулан-кобинского населения (2-я половина IV — 1-я половина V в. н.э.), от которого затем переходят к ранним тюркам (2-я половина V — 1-я половина VI в.) и развиваются вплоть до X–XI вв. Пряжка из могильника Степушка-I отличается от своих сяньбийских прототипов видом прорезей, более изящным исполнением дужки, боковых сторон рамки и абриса щитка. Это свидетельствует о ее более «молодом» возрасте по сравнению с экземплярами II в. до н.э. — начала III в. н.э. По сочетанию всех рассмотренных выше признаков данное изделие обнаруживает более близкие аналогии в материалах тюркской культуры Алтая (2-я половина V — 1-я половина VIII в.). Это сходство отражает их генетическую преемственность, обусловленную развитием данных образцов конского снаряжения на одной территории под влиянием общего центральноазиатского импульса кочевой моды в период существования Жужанского каганата, по всей видимости, включавшего в свой состав с 359 по 552 г. н.э. земли Алтая.

В кургане № 19 найдены три роговые застегки для пут (цурки) трапециевидной формы (длина 7–7,5 см) с несомкнутым верхним краем над выемкой для ремня (рис. 2.-7, 10–11). Точные подобия им представлены в хорошо датируемых булан-кобинских погребениях 2-й половины IV — 1-й половины V в. н.э. из могильников Яломан-II и Дялян (неопубликованные материалы раскопок А.А. Тишкина, Ю.В. Тетерина). Аналогичные изделия имеются в коллекциях инвентаря курганной группы Степушка-II (раскопки В.И. Соенова). Похожие элементы конского снаряжения зафиксированы в близких по времени археологических комплексах Восточного Туркестана и Восточного Приаралья, а также в раннесредневековых материалах

курумчинской культуры Прибайкалья [45, рис. 94.-4; 50; 51, с. 26, рис. 58.-7]. Отдаленные западные аналогии цуркам с несомкнутым верхним краем происходят из памятников гуннского времени Восточной Европы [52, рис. 3.-19; 53, рис. 11.-9, с. 212–214].

Костяное навершие плети из кургана № 19 (рис. 2.-14) обнаруживает точные соответствия в неопубликованных материалах позднебулан-кобинского комплекса могильника Яломан-II (2-я половина IV — 1-я половина V в. н.э.).

Подвеска из рога марала (курган № 19) не имеет датированных аналогий (рис. 2.-15).

Заключение

Анализ коллекции предметов снаряжения верхового коня из курганной группы Степушка-I дает основания относить ее к такому хронологическому горизонту, как IV–V вв. н.э. Среди обнаружен-

ных изделий наиболее узкие археологические даты в рамках раннежужанского времени (2-я половина IV — 1-я половина V в. н.э.) демонстрируют удила с крюковым соединением и малокрючными окончаниями звеньев (тип 3), роговая подпружная пряжка с подвижным язычком на вертлюге и цурки с несомкнутым верхним краем. Хронологическая атрибуция других изделий требует уточнений с учетом взаимной встречаемости их с другими вещами в закрытых комплексах булан-кобинской культуры. Настоящая публикация расширяет источниковую базу для изучения материальной сферы жизни и деятельности кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени и обогащает опыт хронологической интерпретации отдельных категорий уздечной и седельной экипировки верховых коней, использовавшейся народами Азии.

Библиографический список

1. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. — М. ; Л., 1965.
2. Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1990.
3. Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катунь. — Горно-Алтайск, 1992.
4. Соенов В.И. Удила и псалии гунно-сарматского времени Горного Алтая // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. — Барнаул, 1998.
5. Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Реконструкция уздечных наборов булан-кобинской культуры (по материалам памятника Яломан-II) // Снаряжение кочевников Евразии. — Барнаул, 2005.
6. Тишкин А.А., Матренин С.С. Комплексный анализ костяных пряжек кочевников Алтая хуннского и сяньбийского времени (по материалам могильника Яломан-II) // Изв. Алт. гос. ун-та. — 2010. — № 4/2 (68).
7. Тишкин А.А., Матренин С.С. Кенотаф хуннского времени на памятнике Яломан-II в Центральном Алтае // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история. — Улан-Удэ, 2011.
8. Тишкин А.А., Матренин С.С. Воинское погребение раннежужанского времени на могильнике Степушка-I в Центральном Алтае // Краткие сообщения Института археологии. — 2013. — Вып. 231.
9. Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В., Тишкин А.А., Матренин С.С. Исследование погребальных комплексов эпохи «великого переселения народов» в Центральном Алтае (могильник Степушка-I) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г. — Вып. 7. — Барнаул, 2011.
10. Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Степушка-I — памятник кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени // Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. — Челябинск, 2013.
11. Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Женские металлические украшения из погребений сяньбийского времени на Алтае (по материалам исследования памятника Степушка-I) // Вопросы археологии Казахстана. — Вып. 3. — Алматы, 2011.
12. Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Боевые ножи кочевников Алтая эпохи «великого переселения народов» (по материалам могильника Степушка-I) // История и культура средневековых народов степной Евразии. — Барнаул, 2012.
13. Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Наборный пояс сяньбийского времени из могильника Степушка-I в Центральном Алтае // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. — Улан-Батор, 2012.
14. Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. «Всадник без головы» эпохи великого переселения народов из Центрального Алтая // Теория и практика археологических исследований. — 2014. — № 1 (9).
15. Матренин С.С. Комплексный анализ поясных пряжек кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени (по материалам могильника Степушка-I) // Изв. Алт. гос. ун-та. — 2013. — № 4/1 (80).
16. Матренин С.С. Костяные наконечники стрел кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени (по материалам курганной группы Степушка-I) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. — Барнаул, 2013.

17. Тишкин А.А., Матренин С.С. Поясные бляхи сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-I в Центральном Алтае // Изв. Алт. гос. ун-та. — 2013. — № 4/1 (80).
18. Тишкин А.А., Матренин С.С. Керамический материал из раскопок на Алтае курганной группы сяньбийско-жужанского времени Степушка-I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. — Вып. XX. — Барнаул, 2014.
19. Матренин С.С., Тишкин А.А., Плетнева Л.М. Комплекс вооружения дистанционного боя сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-I (Центральный Алтай) // Изв. Алт. гос. ун-та. — 2014. — №4/2 (84). DOI:10.14258/izvasu(2014)4.2-21.
20. Тишкин А.А., Матренин С.С., Кунгуров А.Л. Наборные пояса кочевников Алтая эпохи великого переселения народов из памятника Степушка-I // Российская археология. — 2015. — №1.
21. Кирпичников А.Н. снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. — Л., 1973 (САИ. Вып. Е1-37).
22. Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). — Новосибирск, 2005.
23. Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. — М., 1983 (САИ. Вып. Е3-18).
24. Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. — Свердловск, 1990.
25. Неверов С.В. Удила второй половины I тыс. н.э. Верхнего Приобья (классификация и типология) // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. — Барнаул, 1992.
26. Яремчук О.А. Могильник Зоргол-I — памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии : дис. ... канд. ист. наук. — Чита, 2005.
27. Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Особенности конского снаряжения сяньби // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Т. XII, ч. II. — Новосибирск, 2006.
28. Членова Н.Л. Культура плиточных могил // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. — М., 1992.
29. Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. — СПб., 1999.
30. Тетерин Ю.В. Таштыкские склепы могильника Маркелов Мыс I на севере Хакасско-Минусинского края // Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края. — Новосибирск, 2007.
31. Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). — Новокузнецк, 2003.
32. Егоров Я.В. Новое исследование погребения воина эпохи «великого переселения народов» на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. — Барнаул, 1993.
33. Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). — Новосибирск, 2003.
34. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). — Барнаул, 2005.
35. Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V — 1-я половина VI в. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. — Вып. 6. — Барнаул, 2011.
36. Сорокин С.С. Большой Берельский курган (Полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Труды ГЭ. Культура и искусство народов Востока. — Т. X. — Л., 1969.
37. Тетерин Ю.В. Поясные наборы гунно-сарматской эпохи Горного Алтая // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. — Барнаул, 1995.
38. Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). — Новосибирск, 1984.
39. Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. — Т. 1 : Иволгинское городище. — Вып. 1. — СПб., 1995 (Археологические памятники сунну).
40. Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. — Т. 2 : Иволгинский могильник. — Вып. 2. — СПб., 1996 (Археологические памятники сунну).
41. Ковычев Е.В. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. // Известия лаборатории древних технологий. — Вып. 4. — Иркутск, 2006.
42. Гришин Ю.С. Памятники бурхотуйской культуры в Восточном Забайкалье // Краткие сообщения Института археологии. — 1981. — Вып. 167.
43. Могильник Саньдаовань в аймаке Чаохоу // Открытие и исследование сяньбийских могильников во Внутренней Монголии. — Пекин, 2004 (на кит. яз.).
44. Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишмья. — Новосибирск, 1994.
45. Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. — I тысячелетие н.э. — М., 1996.
46. Деревянко А.П. Приамурье (I тыс. до н.э.). — Новосибирск, 1976.
47. Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. — Челябинск, 2006.
48. Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов. — Ижевск ; Свердловск, 1963 (Вопросы археологии Урала. Вып. 5).
49. Дашевская О.Д. Погребение гуннского времени на городище Беляус // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. — М., 1995.
50. Синьцзян-Уйгурский автономный районный музей, Управление культурного наследия Баиньгуолэнского монгольского автономного округа, Управление культурного наследия Чиемоского округа. Раскопки погребений третьего периода культуры могильника Чжагуньлука в 1998

году // Синьцзянское культурное наследие. — 2003. — №1 (на кит. яз.).

51. Дашибалов Б.Б. Древности хори-монголов: хунно-сяньбийское наследие Байкальской Сибири. — Улан-Удэ, 2011.

52. Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи великого переселения народов

на р. Дюрсо близ Новороссийска // Советская археология. — 1979. — № 4.

53. Обломский А.М. Этнокультурные компоненты населения Верхнего Подонья в гуннское время (конец IV — V вв. н.э.) // Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. — Челябинск, 2013.

Список сокращений

ГЭ — Государственный Эрмитаж.

САИ — Свод археологических источников.

СССР — Советский Союз.